

Валерию ЖЕРЕГИ

Утоли мою печаль

Киноновость

Бабушка была счастлива: ее молитва-ми я создал эту "птицу", в которую она может войти, сунуть руки в крылья и взлететь к небесам, чтобы крестом, лицом к земле, пролететь над домом, где родилась, над колодезем, из которого пила, над гнездом аиста на куполе церкви и над кладбищем, где уже посажена вишенка — на потом, на когда-нибудь; чего ей было ждать, когда душа одна улетит куда-то и будет скитаться да мучиться в одиночестве сначала три дня и три ночи, потом девять дней и ночей и будет та-ять в чистом небе над сорока восходами и заходами солнца; жалко будет ее души — без карих глаз, без седых волос, без губ, без мозолей, без живота, в котором выносила семерых детей, чтоб разбросать их как се-мена по белу свету; без платья с кружева-ми, без любви...

Люди со всей округи спускались по хол-мам — вели на поводках и лошадей, и коров, и кошек, и собак, и свиней, и петухов, и ко-тят, и овец, а дура одна даже рыбу принес-ла; запряглись и дети, и женщины, и муж-чины, и старики.

Собрали концы веревок от всех запря-женных людей и зверей, связали их в узел и подняли его на холм, к планеру, чтоб заце-пить его за крючок под фюзеляжем.

Съемочная группа наблюдала, как ба-бушка прощается с миром на случай, если она приземлится не на поле, а на озеро или болото: она послушно поклонилась людям, зверям и птицам, перекрестилась, опустил-ась на колени и вползла в заднее отвер-стие планера-птицы. Сунула руки в кры-лья, отдышалась и вспомнила что-то очень важное. Позвала меня. Я наклонился и ус-лышал, как она казнит себя: не выпустила наседку с цыплятами! Сказала, что она по-лежит пока вот тут в покое, а я должен бу-ду сбегать домой, открыть курятник, дать цыплятам проса из старого мешка, налить воды в деревянный желоб. Я отмахнулся, и она тут же рассердилась: такой как я и кошку не погладит, и собаку не накормит, и нищему не подаст. "Если так..." — и она стала выползать из птицы. Когда половина ее еще оставалась внутри, я сердито развел руками. Внизу, в долине, всем показалось, что я взмахнул командой "начали!". Натя-нулись "вожжи" — люди, звери, птицы и ры-ба — все сразу с улюлюканьем, мычанием, воем и лаем побежали по откосу вниз. Пла-нер скользнул по земле. Из задней его ды-рочки, крикнув, вывалилась бабушка на зе-леную травку. С крючка соскочил тот узел, и планер поднялся в воздух как птица...

Все растерянно смотрели в небо: надо же, полетел! Планер вдруг накренился и камнем бросился вниз. Все махали, чем по-пало, ложились, вставали и падали, звери и птицы разбежались, разлетались кто куда.

Бабушка сорвала желтый одуванчик, ду-нула, встала, отряхнула длинную юбку и пошла домой. Не было у нее такого платья, говорит, не носила она такие чулки, не хо-дила обутая в обычный день и никогда не хотела лететь на этой птице; и вообще: как-им это я человеком стал в чужих краях, если вернулся домой чтобы забавы ради погубить ее?..

Весной сорок первого года моей маме, младшей дочери, еще шестнадцати не бы-ло. Она пела в доме, во дворе, на чердаке, ее голос был слышен в соседнем дворе, на краю села и в поле.

По ухабистой дороге прикатила зеленая бричка, в ней восседал мужчина в зеленом костюме и фетровой шляпе. Подъехал к нашему двору, представился деду и бабуш-ке и попросил их отпустить мою маму на большой фестиваль в столицу. Бабушка охнула, дед прищурил глаза.

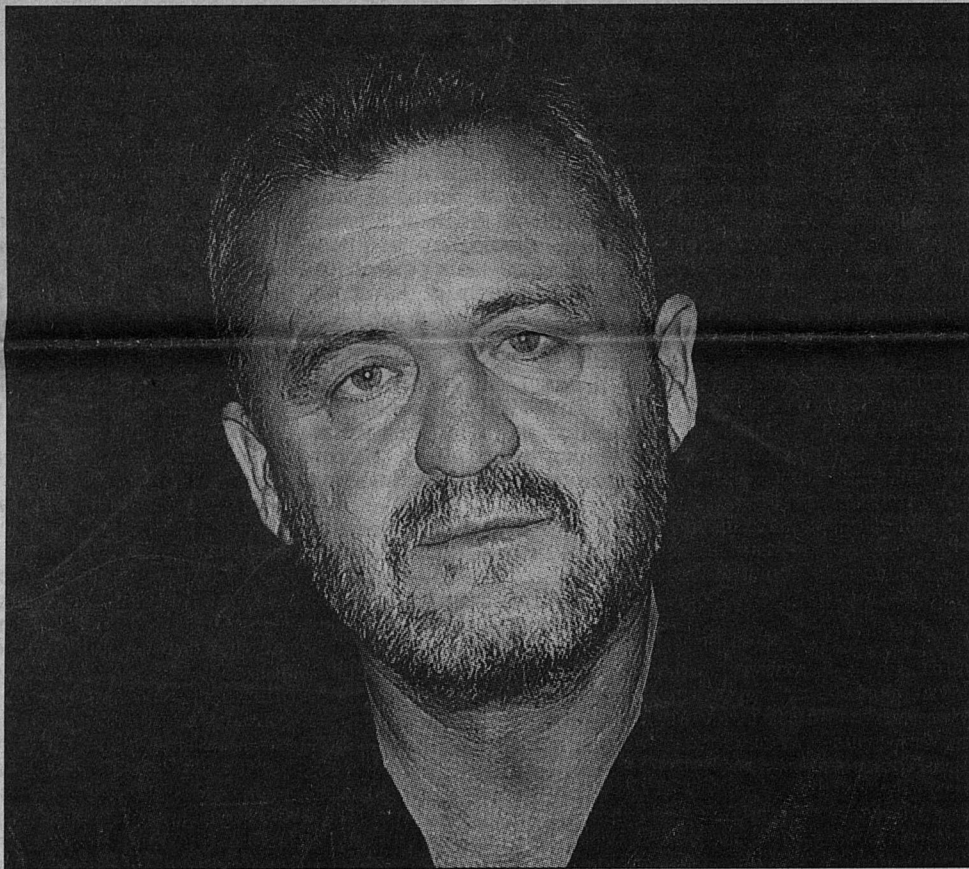
Мама, затаив дыхание, тайком наблюда-ла. Горячим вздохом накрутила завитушки и села ждать под иконой.

Когда солнце поднялось высоко, дед на-лил еще по стакану вина и махнул рукой в знак согласия: если у дочери голос соловь-инный, как утверждает этот почтенный че-ловек, он благословляет ее. Одним корот-ким взглядом дед объяснил моей маме, как нужно вести себя в миру. Бабушка, увидев на ней свое бархатное платье, всхлинула и поцеловала маму в лоб.

Бричка тронулась на глазах у изумлен-ных крестьян. Дети побежали за ней, и солнце скрылось за горизонт.

Без мамы, без ее голоса, в доме было ти-хо и пусто. Ни дед, ни бабушка не находили

Валерию Жереги по своим сценариям поставил фильмы «Аист», «Все могло быть иначе», «Иона», «Диссидент», «Предчувствие» (Канн-93, программа «Особый взгляд»), получившие немало призов на различных кинофестивалях. Снял несколько полнометражных документальных лент в России, в Германии, во Франции. Надеемся, что сценарий «Утоли мою печаль» тоже станет фильмом (режиссер уже «видит» его), для этого у него есть все основания. «Утоли мою печаль» — волнительная история о человеческих судьбах, отношениях, чувствах.

себе места — одиноко им было, даже стар-шие дети не заходили в те дни. А тут еще люди смотрят исподлобья: столько работы в поле, а они отправили дочь веселиться.

Уже послезавтра то великое воскресе-нье, когда мама будет петь на большом фе-стивале и ее услышат все народы СССР.

Дед рано лег, рано встал, запряг двух во-лов и выехал со двора.

Когда солнце поднялось, он уже был в районном центре, где базар был в самом разгаре. Там нашел известного всем ко-мерсанта, и торг состоялся: дед оставил двух волов, а взамен получил радиопри-емник с двумя тяжелыми батареями.

С этим приобретением он вернулся в се-ло; шел, не торопясь, чтобы людям хорошо было видно, какое богатство при нем. Ко-гда он вошел во двор, бабушка прилипла к забору. Дед поставил на крыльцо приемник с батареями, отстегнул мокрый ворот и молча спустился в погреб.

В воскресенье утром дед выкатил из по-греба бочку с вином и установил ее посред-и двора. Вынес стол, накрыл его белой скатертью, поставил на него приемник, развернул батареи так, чтобы рисунки на них — красивые молнии, были видны через открытые настежь ворота. Бабушка, празднично одетая, созывала людей, оста-новившихся в недоумении, и наливала всем по стакану вина. Дед гордо сидел у стола. Включил приемник, дал на всю его гром-

кость и стал медленно крутить коричневую ручку, чтобы сквозь шум и музыку найти во всем огромном мире родной и нежный голосок. Но пения мамы не было по всей светящейся шкале. Люди, их уже был пол-он двор, пили вино и желали друг другу здоровья, мира и дождя. Слушали и удивля-лись: чего только нет в этом воздухе, кото-рым они дышат — и хрипы, и рычания, и громовые раскаты среди ясного неба. Под-няли к небу глаза. Над селом появились низко летящие самолеты с белыми креста-ми на крыльях...

Немцы не спрашивали хозяев — прямо к стене, прикрытой стеблями кукурузы. Стебли в сторону — там, конечно, двери в погреб. Автоматная очередь, вопли радо-сти.

На чердаке бабушка быстренько закопа-ла маму в зерна пшеницы.

Только к вечеру немцы вышли из погре-ба с песнями, поддерживая друг друга. Ко-гда ушли со двора, дед спустился в погреб, затопленный вином. Наткнулся на что-то. И поднял утопленника. Видно, немцы за-были его, спящего в углу, а он сполз и по-тонул. Если вернуться, скажут — дед утопил, разве они помнят?

Дед выбежал догонять, но в переулке уже было тихо, и оседала пыль от колес ушедших машин.

У большой ракиты собаки догрызали ко-

сти. После привала немцы оставили там пу-стые консервные банки и забыли большой зеленый ящик с цифрами и с двумя защел-ками.

Мужчины разогнали собак и, почесывая затылки, стали гадать, что в этом ящике может быть?

Самый храбрый решил открыть защел-ки. Поднял крышку и взял в руку какой-то пакетик. Пощупал, разорвал. И достал ре-зиновое колечко, скрученное вовнутрь. Развернул его и получил длинный прозрач-ный мешочек. Не понял, на что он такой. Найдя на пакетике иностранные буквы, стал рассуждать об умной немецкой нации. Осенило самого шулого — дошел своим умом. Показал мужчинам, на что надевает-ся это, и объяснил зачем. Вмиг опустошили ящик — каждый набрал пакетиков полные карманы, и разбежались. Сначала в одном доме, потом в другом, позже во всех ос-тальных погасли керосиновые лампы. И наступила первая военная ночь.

Дед вытащил из погреба утопленника и потащил его на себе к оврагу. Там вырыл неглубокую яму в мягком берегу и поло-жил туда немецкого солдата во всем его обмундировании. Когда укладывал его, из кармана гимнастерки выпала губная гар-мошка. Дед рассмотрел ее, блестящую, хо-тел, было взять себе, но побоялся. И зако-пал погибшего.

Ни дед, ни бабушка не могли уснуть — о молодом солдате думали. Ведь где-то есть у него отец и мать и мирно спят сейчас, на-верное, если там, откуда он родом, также идет дождь. И не знают они, что их сынок, родное дитя, уже закопан в каком-то овраге на другом конце света, и никто ему креста не поставил. Дед решил понести усопшего на кладбище пока еще ночь, чтобы похоро-нить его по-человечески. За это он возьмет у него губную гармошку. Встал, зажег лам-пу и пошел в сарай. Смастерил деревянный крест. Позвал с собой бабушку.

Дождь переполнил овраг мутной бурля-щей водой. Сильный поток смывал с бере-гов кустарники. Дед искал, разгребая глину руками, а бабушка держала крест. Под иловым потоком — могилы, как и не было. Дед уходил по оврагу вниз, скользил и па-дал, шел, пока овраг не кончился. Черные корни деревьев уплывали в широкое поле. Дед долго смотрел им вслед. Молния осве-тила далекий горизонт.

Светало. Дед и бабушка несли домой де-ревянный крест. Скрипнула дверь у дома на краю села. На крыльцо вышла женщина в ночной рубашке, с распущенными воло-сами. Сладко потянулась, наклонилась над полной бочкой под крышей дома, опустила руки в нее, что-то простирула и повесила на бельевую веревку длинный резиновый мешочек.

Румыны пришли тихо, как будто разу-лись перед тем, как войти в село.

На чердаке дед быстренько закапывал маму в зерна пшеницы.

Постучали в ворота, и бабушка вышла к солдатам — тяжелое время: то немцы, то румыны, то русские. Офицер просился на ночлег; он и его солдаты устали, не могут идти дальше. Бабушка молила обойти ее — всем не угодишь. Офицер пояснил, что немцы пошли на Россию, русские никогда уже не вернуться, а румынская армия при-шла домой. Дал слово офицера, что в доме никто ничего не тронет; они поспят немно-го и тихо уйдут.

Бабушка направила в дом, солдаты за ней. Все разулись у порога и оставили на крыльце ботинки и обмотки.

В большой комнате бабушка постелила офицеру, заперла шкаф и сундук. Офицер рассказал о себе: не военный он человек, его мобилизовали, как и всех музыкантов симфонического оркестра. Тем временем солдаты легли на пол и тут же тяжелым храпом провалились в сон.

Дед и бабушка сели на скамейку под оре-хом и решили не спать. Но когда открыли глаза, был уже рассвет. Мама спускалась с чердака. На крыльце не было солдатских ботинок. Бабушка бросилась в дом. Кро-вать была аккуратно застелена, шкаф за-крыт, а на крышке сундука петли были скручены. Бабушка открыла сундук и с ужасом обнаружила, что в нем уже нет пер-чаток, связанных для деда.

Бабушка выбежала во двор и во весь го-лос закричала, что сама пустила в дом во-ров. Она быстро запрягла лошадку и, остро свистнув кнутом, помчалась вдогонку.

Бабушка настигла румынских солдат у озера — они купались. Среди голых мужчин с трудом нашла офицера и устыдила его от всей души: "Вы же слово офицера дали! Ты же музыкантом был!"

Жереги Валерий

Она пожаловалась солдатам, что они украл из сундука перчатки, а зимой у деда будет ревматизм. Офицер опустил голову, приказал построиться и попросил выйти того, кто украл у этой госпожи перчатки. Солдат с загоревшим лицом направился к своей одежде. Достал из кармана гимнастерки перчатки. Офицер приказал ему одеться, пойти вслед за бричкой и на вытянутых руках отнести перчатки до самого дома, положить их на место и догнать батальон. Бабушка развернула лошадь и помчалась в обратную сторону. Солдат с вытянутыми вперед руками побежал догонять.

Бабушка гордо сидела в бричке и слышала тяжелое дыхание солдата; не оборачивалась — пусть несет перчатки и положит в сундук, если украл! Немного позже бабушка поинтересовалась: откуда он взялся такой и что еще успел наворовать в этих краях? Едва выговаривая слова, солдат ответил, что живет далеко в горах, у него сыновья, а жена давно умерла; вернется домой, пострижет овец и обязательно пришлет ей хорошую шерсть.

У родника бабушка остановила лошадь и велела солдату попить холодной воды. Он напился, умыл лицо и улыбнулся ей, доброй женщине. За это она поправила на голове косынку. Солдат вернулся на дорогу, стал позади зеленой брички и, вытянув руки с перчатками на ладонях, попросил поехать.

Над гривой лошади кружились бабочки, солнце уже припекало. Бабушка предложила солдату отдать перчатки и идти с Богом. Солдат молча покачал головой — отказался. Бабушка повела плечом и поехала дальше, но уже не очень спешила. Он попросил ускорить шаг. Тогда бабушка предложила ему сесть рядом — место есть, но он упорно отказался. Она сказала, что люди засмеют, а муж побьет ее, если они вдвоем вот так войдут в село — она, восседая на бричке, а он, румын, плетясь за ней! Это рассмешило обоих.

В селе как будто все вымерло — ни души. Чирикали воробьи, где-то плакал ребенок. В тревоге бабушка привстала, чтобы лучше видеть. Людей не было, ворота и двери домов закрыты. Доносилось тяжелое дыхание солдата. Бричка доехала до середины села и остановилась. Лошадь фыркнула, рядом что-то хрустнуло. Из-за ракиты появилось дуло автомата с круглым диском, и из него посыпалась громкая струя огня. Бабушка услышала срезанное дыхание солдата. Обернулась — румынский солдат с удивлением смотрел на нее, что-то шепнул, пошатнулся и с вытянутыми вперед руками упал лицом вниз. Ухнула пыль и с ладоней солдата, как птицы, взлетели пушистые перчатки...

Лаяли собаки — далеко в лесу раздавались выстрелы.

Мама стояла наготове у открытой двери чердака.

Бабушка рассказала деду все, как было. Вытерла слезы краем косынки. Дед молча стал запрягать телегу, положил в нее деревянный крест и лопату. Телега выехала со двора.

У ракиты, где был убит румынский солдат, уже собрались перепуганные селяне, и каждый по-своему, как настоящий очевидец, рассказывал про страшный бой, случившийся прямо у него на глазах. Убитого солдата уже не было — его подобрали румыны и увезли куда-то. Дед не стал останавливать телегу — объехал ракуту по кругу и направился к дому.

Пропала наша корова. Весь день была в поле на привязи, а вечером, когда мама пошла за ней, ее уже там не было. Мама искала ее по оврагам, вошла в лес. Там, на поляне, она наткнулась на убитых людей — двенадцать расстрелянных мужчин лежали с окоченевшими пальцами и с табличками «партизан». Мама отступила и побежала из леса. Кричала, телега не охрипла совсем.

Рано утром дед привел на поляну троих мужчин с лопатами. Стали копать большую яму, дышали тихо, говорили шепотом. Аккуратно сложили в нее тела убитых и закопали. Дед предложил поставить на могилу крест — у него есть. Коренастый злобно размахнулся — кто они тебе такие? Другой предложил пожодать: сейчас за православный крест и самому в могиле можно оказаться. Но дед не слушал, полез узнавать — почему на него подняли руку, и почему он этими словами обидел? Его оттолкнули, потом он сам толкнул, получил кулаком в грудь, он взялся за лопату, но тут его ударили колом по спине. Он упал на колени на рыхлаю землю, и все закружилось вокруг...

В каждом погребе было много вина, оно хранилось в больших и маленьких бочках — красное, розовое, белое. Но был у хозяина отдельный небольшой бочонок, литров на двести пятьдесят, с самым добрым вином из отборного винограда, по яголке собранного. Глоток такого вина о многом говорил — что ты за человек, откуда родом, из каких кровей и как ты думаешь дальше жить.

Румыны не брали вино силой, как немцы, они покупали его на фальшивые деньги — на вес, по килограмму за ведро вина. Но ни за какие деньги вино из того бочонка не продавалось.

Как-то дед, сидя у окна, прислонил к стеклу против солнца старую и новую румынские купюры. На обеих банкнотах тот же круг посередине. На старой купюре на просвет виднелся портрет короля Михая: смотрит в глаза, не пугает; а на новой купюре никого нет, только мутный круг. И задумался дед: чего это он, король, сошел с портрета и никого вместо себя не оставил? Наверное, плохие у него дела. А на русских рублях — вот он, Ленин, крепко смотрит вперед! Ждет беда румын — почувствовал дед, но никому не сказал про это.

Так и случилось — вернулись русские. Днем над селом пролетели самолеты, а ночью приехал грузовик. Из кузова прыгнула женщина в гимнастерке, с рюкзаком, к которому был привязан алюминиевый чайник. Грузовик уехал, она села на корточки и заплакала. Сказала людям, что жила себе спокойно на берегу Енисея; вечером варила в казане картошку, когда к ней пришли и вручили направление ехать сюда секретарем сельсовета...

Люди, которые собрались, не знали по-русски, но они поняли, что с этой женщиной случилась какая-то беда, и они пожалели ее.

Утром крестьян созвали к дому с красным флагом. Секретарь объявила, что каждый молдаван, который кормил и поил румынских бояр, имеет законное право в течение двадцати четырех часов уехать к ним за границу. Для такого дела решение военного совета на станцию подается состав — четыре семьи на платформу.

Дед, как и другие крестьяне, решил не испытывать судьбу. Уложил в телегу все, что можно было увезти, чтобы там, далеко, начать жизнь сначала.

Когда погрузили скарб на платформу, тот бочонок с отборным вином уже не помещался — ну, никак! Если скинуть кровать — бабушка вопит; сбросить сундук с приданным — мама плачет; бричку оставить — это никак нельзя! И дед разозлился: вы что, кричите, не понимаете, как мы скажем там, куда мы едем, что мы такие?

Дед вертелся на перроне вокруг бочонка и ругался на чем свет стоит. А тут свисток к отправлению! Бабушка и мама просили оставить к черту этот бочонок и влезть на платформу. Услышав таковое, дед хлопнул о землю шапку, сплюнул со зла и решительно махнул рукой: «Если так — остаемся дома!».

При новой власти Нику Водэ назвал себя НКВД. Прошлой зимой напился, упал, зашнуровал, а руки остались в луже. К утру, вода примерзла. Проснулся, позвал жену с топором. Она топор принесла, и своей головой додумалась руки мужу не отрубать, а только лед порубить. Вот и ходил НКВД с синими по локоты руками. Острой щепочкой нацарапает звезду и смело идет наводить порядок. Шел на маленькое дельце — одна звезда; и в чине лейтенанта давал распоряжение резать ему пару гусей — одного на субботу, другого на воскресенье. Если дело крупнее — нужно экспроприировать виноградник во время сбора урожая, НКВД рисовал на одной руке большую звезду, на другой две, но поменьше.

В наш двор он вошел в чине капитана и полковника. Поинтересовался, не отдает ли деду запахом резины — это означало, что если дед сейчас же не отдаст зеленую бричку вместе с лошастью и свистящим кнутом, то завтра сюда прикатит воронок, скаты которого пахнут женой резиной.

Дед послушно вложил в синие со звездами руки натруженные вожжи. Обнял голову лошади и открыл ворота.

Вот уже вторую неделю дед и кум не выходят из погреба. Там было все для жизни — вино, соленья, копченые окорока, брынза, черная редька, лук и соль. Устанут — подремлют на соломе, проснутся — продолжают жить. Бабушка разом принесла им много хлеба, и больше ее туда не звали.

Когда они вышли из погреба, дед пошел проводить дорогого ему кума и сказал, что вернется скоро — недели через две.

В субботу вечером дед собрал всех близких родственников, закрыл ставни окон и при тусклом свете керосиновой лампы включил радио. «Свободная Европа» передавала, что семьи крестьян из Молдавии эшелонами увозят в Сибирь, там их выпускают в лес и оставляют выжить...

Дед сказал то, о чем он уже хорошо подумал: «Нет у нас другого выхода. Мы с кумом уходим в советскую армию, пока еще война идет. И вас никто не тронет сейчас. Погибнем — вам будет легче. Если вернемся — будем жить...».

Вечером, в дождь, офицер построил пять человек добровольцев и повел их сквозь грозу по дороге, ведущей на фронт.

По рельсам в поле прикатил состав с пустыми вагонами. Со всех сторон подъезжали к нему воронки, грузовики и телеги. Всюду плач.

НКВД ехал на бричке по селу, сзади плелся солдат с автоматом. Синий палец тайно, за спиной, указал на двор, в котором убиралась молодая женщина, — она ему не дала даже в чине генерала. Женщину тут же взяли и повели.

Молодой парень бежал к составу. Кричал и звал. Когда из вагона отозвался тот голос, он упал на колени перед молоденьким солдатом и, как мог, объяснил по-русски: его отец на фронте, он молит отпустить беременную жену. Смутился солдатик и сжалился. Открыл засов и вызвал женщину. Она выпала из вагона на руки мужу, и они побежали, куда глаза глядят. Раздалась команда к отправлению. Солдатик вдруг понял, что натворил, и что его ждет за это. Как поезд тронулся, он схватил попавшуюся под руку старуху и запихнул ее в вагон, пятидесятую по списку.

В соседнее село вернулся с войны молодой солдат в длинной шинели — это был мой отец.

Когда он вошел во двор, бабушка вскрикнула и бросилась к нему. В слезах она расцеловала сына, повела к сараю и показала молодого белого коня.

Когда отца забрали на войну — весной сорок четвертого, в тот день их лошадь родила белого, как снег, жеребца. Дедушка принял это как знак: сохранит жеребца — отец вернется с войны.

Однажды ночью в село вошла небольшая группа людей с автоматами — они скинулись по лесам. Врывались в дома и набирали еду, одежду; под утро явились к дедушке и сказали отдать жеребца. Дедушка ответил, что нет его — украли цыгане. Обыскали дом, сарай и погреб, раскидали сено, влезли на чердак — жеребца нигде не было. Тогда они избили дедушку и бросили в погреб. Там он и умер...

На белом коне, в кремовом костюме и шляпе отец появился в мамином селе — его направили сюда быть первым учителем.

Легким галопом он проскакал через все село, от холма до холма и, когда вернулся к сельсовету, девушки уже знали его имя и отчество.

Отец попросился на квартиру у бабушки. На крыльцо, чтоб поддержать разговор, вышла мама. Когда бабушка увидела на ней новое платье и свежие завиточки, поначалу отказала молодому учителю. Но потом она узнала, чем этот дом пригляделся ему — под крышей было гнездо ласточки. И дала согласие.

С войны вернулся кум. Его дом был разрушен бомбой, там погибла вся его семья. В горе он просидел на разбитом крыльце до самого вечера, потом тяжело поднялся и пошел по селу.

Пришел к бабушке. Сел на скамейку под орехом, попросил вина. И рассказал, как погиб наш дедушка: в него попал снаряд, когда в окопе раздавал солдатам хлеб...

Кум не убил на войне ни одного немца, и за это он их ненавидел. Теперь просит помощь в сельсовете, чтобы восстановить разрушенный фашистами дом, а его и спрашивают: «А ты убил фашиста?».

Он жил себе молча и маленьким своим ростом не трогал никого. Сидел на лавочке у ворот с ведром воды и кружкой — может, прохожий попить захочет и доброе слово скажет.

Рыжая кошка с тяжелым пузом жалостно мяукала. Кум налил в ладонку воды. Кошка вылакала воду, лизнула его мозоли и пошла во двор, как к себе домой.

Утром, когда кум проснулся и сел на крыльцо отдохнуть немного, кошка уже облизывала пять своих котят. Появился их отец — кот со шрамом на лбу, хромым и без добычи. Когда рядом, на заваленный забор

опустился щипаный воробей, кот только лениво потянулся, давая понять, что он и его семья ни с какого голода не будут кушать это. И куму пришлось пойти к соседям за молоком.

Куму в своем одиночестве кошки были в радость. Он не гнал их, а подкармливал, носил им молоко и гладил. Эта добрая весть разнеслась повсюду, и стали являться такие коты и кошки, которых к роду в нашей деревне не было — белые и черные в коричневых и розовых пятнах, облезлые и резвые, немые и голосистые, и даже контуженные. Жили везде — в доме, на крыльце, под лавкой, в сарае, в погребе и на чердаке. Время было тяжелое, послевоенное, а они все равно размножались, как кошки.

Однажды молодой учитель, мой отец, сказал куму, что немцы тоже любят кошек. Кум чуть в землю не провалился от стыда и обиды. Чувствовал он, что люди относятся к нему не так почтительно как раньше, но ему и в голову не приходило, что он мог потерять репутацию в родном селе из-за каких-то драных кошек!

Рано утром кум достал с чердака пустой мешок и стал отлавливать кошек, котят и котят. Побросал их в мешок и туго завязал его горловину.

Пришел на берег озера. Разделся, поднял на плечи туго набитый мешок, в котором дрыгались кошки, и пошел в воду. Дошел до середины озера, где вода была ему по шею, там развязал мешок и высыпал. Кошки, оказавшись в воде, цеплялись друг за друга и орали так, что пух с камыша полетел. Единственным спасением для них оказался маленький живой островок — головка кума. Вцепившись когтями в нее, взбешенные кошки полезли друг на друга, и над озером образовался многоголосный пушистый остров. Кум тоже заорал, но уже так, что с деревьев посыпались зеленые листья. Медленно, не дай бог пошатнуться — иначе кошки еще глубже воткнут свои острые когти, кум пошел обратно к берегу. До заката солнца ему оставалось еще несколько шагов...

С исцарапанным до крови лицом кум явился к бабушке. Собака залаяла, куры закудахтались, кошка со страху полезла на самую верхушку дерева. Кум прилег на скамейку под орехом и попросил бабушку вылечить его. Бабушка обклеила его по пояс лечебными травами, намазала чем-то, и посмеивалась над ним. Кум терпел, сколько мог, потом сказал, что он одинокий, но еще полный сил человек и отсюда он никуда не уйдет...

Мой отец посадил на раму велосипеда мою маму и покатил к себе в деревню показывать невесту. Он рулил, крутил педали, а мама дрыгала ногами и пела старую песню «Тудорица нене...».

Молодой семье — первому в селе учителю и дочери фронтовика — сельсовет помог отстроить дом, в который во время войны попала бомба.

Дети нашего переуллка, загорелые и всегда сопливые, сидели у ворот, играли в пыль: берешь в ладони полную горсть, кидаешь вверх, она кучей падает: пу-ух!

Я открыл глаза и увидел сквозь облако пыли размытую фигуру человека в конце переуллка. Хлопнул ресницами и передо мной предстал офицер в расстегнутой гимнастерке с большим чемоданом в руке. Он вел на длинном поводке овчарку. Пьяным голосом сказал не бояться его — он добрый дядя, идет от самой границы, его списали вместе с собакой и отправили на пенсию; теперь они идут домой, но не дойдут, если он сейчас же не выпьет стакан вина. Собака жалобно скулила, как будто просила за него. Я не устоял и побегал в погреб. Вышел с полным кувшином красного вина и подал его офицеру. Тот жадно выпил, отдышался. Долго смотрел на меня. Я гладил собаку, она лизала мое лицо. Офицер уронил голову на грудь, передал мне поводок, взял чемодан и тяжело пошел с кувшином в руке. Собака смиренно сидела у моих ног и скулила. Офицер ухмылялся, не оборачиваясь, только в конце переуллка остановился и громко крикнул через плечо: «Прощай, Джек!».

Окончание в следующем номере.